

Паша, гражданин мира

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ, прозаик, драматург, публицист Автор многих книг и пьес, переводился на сорок иностранных языках. Лауреат литературных премий. Секретарь Союза писателей Москвы.

За окном свежо, солнечно, весенне — типичный парижский январь. А мы с Пашей сидим за столом, едим вкуснейшие французские паштеты, пьем вкуснейшее французское вино, розовое и красное, и разговариваем о жизни. Квартиру Паша снимает, она на верхнем, седьмом, этаже, маленькая, зато в четыре горизонта: внизу кухня, на антресоли — библиотека, ещё выше крохотная спальня, а на самом верху выход на крышу, откуда виден весь Париж.

Судьба у Паши сложная, со множеством поворотов, но не потому, что он по натуре авантюрист — наоборот, он человек спокойный и серьёзный. Просто сама эпоха чересчур сложна, миллионы людей она швырнула в бурное море житейское, не озаботившись спросить, умеют ли плавать. Рядом с нами за столом Пашина жена Ронда — она американка, родом из Техаса. Время от времени на колени то к ней, то к Паше взбирается двухлетний Андрюшка — он... Впрочем, кто он, я определить не берусь, потому что не берусь определить, кто сам Паша. Мать у него русская, отец украинец, школу Паша закончил в Донбассе, институт в Минске, где получил профессию переводчика, в армии служил советской, работал в России, в Америке (где, кстати, получил второе, экономическое, образование), в Англии, сейчас вот в Париже. Профессионал он очень крепкий, в семье лидер и добытчик — Ронда сидит дома с ребёнком, на жизнь не жалуется и на мужа смотрит влюблённо.

— Паша, — спрашиваю я в лоб, — ты сам себя кем ощущаешь: русским, украинцем, американцем, французом или гражданином мира?

Паша думает несколько секунд и отвечает:

— Пожалуй, последнее. Не американец — это точно. Француз — какой же я француз? На Украине друзей почти не осталось...

— Но чувство дома всё-таки есть? Где ты хотел бы жить постоянно?

Паша думает чуть дольше.

— Не знаю. В Америке, пожалуй, не хотел бы: там есть слово «дружба», но самой дружбы в нашем понимании нет. В Париже мне, в общем, нравится. Но приятель зовёт в Китай — может, поеду...

Место на глобусе Паше выбирать легко — десяток крупных банков рады видеть его своим представителем в любой стране. Свободный английский, почти свободный французский, образование западное, опыт жизни и в демократической, и в тоталитарной стране, возраст — тридцать шесть лет, самый рабочий.

Никаких комплексов в Паше не просматривается — современный, самодостаточный, абсолютно независимый человек. Живёт в огромном мире и относится к этому миру как к собственной деревне, потому что в любой развитой или не очень развитой стране ему будут рады и всегда для него найдётся хорошо оплачиваемая работа.

И я молча задаю себе вопрос, который Паше задать не решаюсь: а как же быть с патриотизмом? Паша патриот или нет? А если патриот, то чего? Какой родины?

Мне вот просто — всю жизнь в России, все друзья здесь, все близкие, русский язык с детства, как дыхание. Уеду куда — домой тянет. Телефон трезвонит с утра до вечера, всегда кому-то нужен и мне нужны. Незнакомые люди письма пишут, помощь просят. Словом, все корни тут, все привязки, меня отсюда трактором не вытащишь. И вопрос, какую страну любить, передо мной никогда не стоял. А Паше каково?

Вообще с патриотизмом двадцатый век наломал дров, особенно в России. Почти до конца столетия в стране держалась навязанная, никем не избранная власть, без конца предававшая собственный народ. У нее не было права рассчитывать не то что на верность — даже на

минимальное уважение. А сколько раз перекраивались границы?

Однажды знакомый в случайном разговоре рассказал мне потрясающую историю. Его родная бабушка, закарпатская крестьянка, в течение жизни побывала подданной семи государств — при этом ни разу не выехав из собственной хаты. Державы грызлись, границы передвигались, а она как жила, так и жила. Доила корову, собирала помидоры, поливала яблоньки, охотно помогала соседям, да и для случайного прохожего всегда находила стакан молока. А какая над ней нынче власть, порой представляла весьма смутно.

Тем не менее налоговые бумажки на семи государственных языках доставали её регулярно: семь правительств, семь армий, семь полиций снимали пенки с её молока, тянули вилки к её помидорам, а ложки к похлёбке. Семь властей — российская, австро-венгерская, просто венгерская, чехословацкая, немецкая, советская, украинская — требовали от неё любви, семь национальных идей верности, семь флагов уважения, семь гимнов, требующих стойки «смирно» и рук по швам.

В связи с чем у меня сразу же возник вот какой вопрос: а не много ли это — семь патриотизмов на одну бабулю?

Вот и Пашу сделала гражданином мира не идея, а судьба.

Как он, например, попал в Америку? Пригласили на год, попрактиковаться в языке — счастливый шанс для переводчика! Пошел к декану просить характеристику. Тот испугался:

— Это надо к парторгу, характеристики дают там.

— Я же беспартийный, — удивился Паша.

— Не имеет значения, так положено...

Паша разозлился и послал, куда следует, и декана, и парторга вместе с его партией, и всю тюремную систему, которая уже разваливалась, но ещё пыталась угрожающе шамкать беззубым ртом. В Техасском университете характеристику не потребовали...

Да один ли Паша такой? Двадцать пять миллионов русских и русскоязычных, оставшихся, а то и родившихся в осколках империи — кто они? Местные правители вымещают на них все обиды на бывшую тоталитарную власть. Реальная родина выдавливает, историческая если и принимает, то на роль бомжей — куда же им деться с семьями и детишками? Вот и тычутся несчастные «граждане мира» во все иностранные посольства — вдруг куда пустят...

А у меня не идёт из головы навязчивая мысль: как бы употребить на пользу России Пашины мозги, Пашино образование, Пашин уже вполне приличный стаж и опыт.

— Между прочим, — говорю, — нынче в России налог всего 13 процентов.

— Это хорошо, — соглашается Паша, — это мудро. Но ведь главное не цифра, а её стабильность. В России ведь как: сегодня закон приняли, а завтра придут коммуняки и всё перевернут. Чтобы пришло доверие к власти, надо лет пять, не меньше...

Уже в дверях у меня вдруг возникает неожиданный вопрос:

— А у Андрея твоего какой язык родной? Английский или французский?

— С Андрюшкой я говорю только по-русски, — отвечает гражданин мира.